
ХАРРИЕТТ ЭШБРУК
N.Y.P.D.
NEW YORK — A BOLDER TOMORROW
ДЕНЬГИ
КРАСОТА
ВЛАСТЬ
СМЕРТЬ
УБИЙСТВО СЕСИЛИ ТЕЙН
8TH AVENUE SUBWAY
NEW YORK CITY
The New York World
SOCIETY BEAUTY SLAIN
НЬЮ-ЙОРК
1925

Харриетт Эшбрук

Убийство Сесили Тейн

«Автор»
2026

Эшбрук Х.

Убийство Сесили Тейн / Х. Эшбрук — «Автор», 2026

Впервые на русском языке! Открытие американского «Золотого века детектива» — первый роман знаменитой серии о сыщике-денди Спайке Трейси.В собственном особняке на Манхэттене застрелена Сесили Тейн — супруга миллионера-ювелира. Из потайного сейфа бесследно исчезли драгоценности на двести тысяч долларов.За расследование берутся суровый окружной прокурор Ричард Монтгомери Трейси и инспектор убойного отдела Хершман. Однако у них под ногами путается младший брат прокурора — обаятельный бездельник и прожигатель жизни Филип «Спайк» Трейси, только что выпущенный из тюрьмы после очередной попойки. И пока полиция арестовывает одного подозреваемого за другим, именно наблюдательный повеса замечает странности, которые переворачивают всё дело с ног на головуБлестящий образец классического нью-йоркского детектива 1930 года — для поклонников Рекса Стаута, Агаты Кристи, С. С. Ван Дайна и П. Г. Вудхауса.

© Эшбрук Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 5
Глава II 9
Глава III 19
Глава IV 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Харриетт Эшбрук
Убийство Сесили Тейн

Посвящается Сьюзен Брэди Эшбрук и Летчеру Ли Эшбруку-старшему, которые никогда не читают детективов

Глава I
Крестик на месте преступления!

— Порой, дорогой братец, я диву даюсь, зачем только Господь позволяет тебе жить на свете.

Окружной прокурор в ярости мерил широкими шагами свой кабинет, глубоко засунув руки в карманы, и являл собой полную противоположность молодому человеку напротив.

Тот уютно развалился в огромном кожаном кресле и, беспечно покачивая ногой, перекинутой через мягкий подлокотник, лениво пускал в воздух длинные струи сигаретного дыма. На губах его играла улыбка, а весеннее солнце, льющееся в открытое окно, окутывало его приятным, ласковым теплом, удивительно гармонировавшим с его легким нравом. Он держался весело и непринужденно, ничуть не смущаясь тем, что смокинг на нем изрядно помялся, а щеки явно просили бритвы.

— Повторяю: порой я просто не понимаю, почему Господь позволяет тебе жить, дышать и вечно влипать в истории.

— И сейчас, надо полагать, как раз такой случай? — с ленивой негой отозвался молодой человек: ему было чертовски удобно и ужасно весело.

— Вот именно!

— Ну, слава богу, Господь не советуется с тобой, как Ему управлять мирозданием.

— Если уж тебе так неймется угодить под арест, почему не выбрать местечко за пределами Нью-Йорка? Париж, Лондон — да где угодно, только не здесь?

— А я и там бывал. Четыре раза в Париже и три в Лондоне. Или наоборот, точно не помню. Кстати, как называется то заведение, где я коротал сегодняшнюю ночь?

— Участок сорок седьмого полицейского округа.

— Звучит скучновато, правда? И все же… — Он извлек из внутреннего кармана маленькую черную записную книжку с карандашом и что-то черкнул. — Я веду список тюрем, где мне довелось побывать, — пояснил он. — Быть может, когда-нибудь напишу книгу: «Тюрьмы, которые я знал». Чтение выйдет презабавное. В Мюнхене, например, подают шампанское и просто включают его в твой счет. А однажды в Париже…

— Брось паясничать и отнесись наконец к делу серьезно.

— С какой стати?

— С такой, что каждая треклятая газета в городе вынесет эту историю на первую полосу.

— Да ну? — Молодой человек ухмыльнулся. — Наконец-то и я войду в элиту первых полос! Как думаешь, им понадобится моя фотография? А может, наш совместный снимок? Знаю — нужна эдакая страстная сценка специально для бульварных листков, вроде этой! — Он вскочил с кресла и пал ниц прямо под испепеляющим взглядом брата, закрыв лицо руками и картинно понурив плечи от деланного стыда:

— «Окружной прокурор бичует заблудшего родича!»

— Послушай, Филип… — Голос старшего брата беспомощно смягчился; он прекратил свою гневную ходьбу и заговорил почти умоляюще: — Если ты сам не можешь отнестись к этому серьезно, взгляни на дело с моей точки зрения. Я здесь как-никак государственный обви-

нитель, оплот закона, порядка и приличий, а моего брата — родного брата! — забирают в участок за пьяный дебош.

— А что бы ты предпочел — плевки в метро или убийство?

При последнем слове окружной прокурор поморщился.

— Только не говори об убийствах. У меня и сейчас этого добра хватает, только не хватало, чтобы какой-нибудь молодой осел вроде тебя подбросил мне еще одно потехи ради.

— Да ну? — Молодой человек не спеша поднялся из своей нелепой позы и отряхнул колени. — Хочешь сказать, у тебя прямо сейчас в работе убийство?

Окружной прокурор кивнул.

— Я как раз ехал на место преступления, когда мне пришлось бросить все и мчаться выручать тебя из кутузки. Уж если влипать в историю, то худшего момента ты выбрать просто не мог, ты не мог…

— Право же, старина, нет никакого смысла заводить эту шарманку по новой. К тому же, по-моему, куда интереснее потолковать о твоем убийстве.

— «Моем убийстве» — это ты в точку попал. Скорее всего, так оно и будет. — Окружной прокурор немного остыл, но помрачнел еще сильнее. Однако тут же снова вспыхнул от внезапного раздражения: — И надо же было этому случиться именно сейчас, когда я работаю над банковским законодательством штата! Газеты вечно раздувают из убийств целую историю. Вот, полюбуйся, — и он указал на лежащую на столе утреннюю газету, сложенную на редакционной странице.

Молодой человек взял ее и пробежал глазами абзац, в который яростно ткнул пальцем брат.

«Нынешнее руководство полиции и прокуратуры может сколько угодно прикрывать череду своих провалов высокопарными речами о „гражданском прогрессе“ и „достойных реформах“, однако простого обывателя громкими фразами не проведешь. Факт остается фактом: за время пребывания окружного прокурора Трейси на своем посту его репутацию запятнали уже три нераскрытых убийства. Нам представляется, что как слуга народа, призванный карать преступивших закон, он самым вопиющим образом не справляется со своими прямыми обязанностями. Его ведомству куда больше пошло бы на пользу чуть более эффективное расследование преступлений и чуть меньшее увлечение „достойными реформами“. „Реформы“, подобно милосердию, следует начинать с собственного дома».

Молодой человек отложил газету.

— Сдается мне, — заметил он, — ты этому малому не по нраву.

— «Не по нраву»?! Да они только и ждут случая, чтобы сожрать меня с потрохами! Будь они прокляты, эти газеты! Если им каждый день не подбрасывать чего-нибудь новенького, они начинают выдумывать всякую всячину, которая обычно хуже самой правды, и они…

— Ну-ну, будет тебе, — успокаивающе перебил его молодой человек. — Выкладывай все как на духу — сразу на сердце полегчает. Кто, кого, где, как и почему?

— Сесили Тейн.

— Сесили Тейн? — Глаза молодого человека округлились от внезапного интереса.

— Ты ее знаешь?

— Ну, знакомством это не назовешь. Часто видел ее в ночных клубах, да и о ее драгоценностях, разумеется, наслышаны все.

— Так вот, она мертва — убили сегодня ночью, — а из ее личного стенного сейфа пропали драгоценности на двести тысяч долларов. — Окружной прокурор резко повернулся и с внезапной воинственностью набросился на брата: — А тебе-то вообще что об этом известно?

— Тише, тише, Ричард, душенька, это не я, клянусь, не я! А если не веришь, спроси у славного сержанта и двух патрульных в участке, которые всю ночь напролет резались со мной в покер.

— Я спрашиваю, что ты знаешь о ней?

— Только сплетни. Ее вечно видят с какими-то молодыми людьми, и всякий раз на ней с полпуда бриллиантов. Поговаривают, что не все они принадлежат ей — мол, она просто берет их из магазина мужа. Ее так и прозвали: ходячая витрина.

— Что ж, она мертва, и я не могу больше тратить время на пустую болтовню. Я должен выяснить, кто ее убил. Вот уж свезло так свезло.

— И мне тоже. — Молодой человек потянулся за шляпой и тростью, лежавшими на столе.

— То есть как это — «и тебе тоже»?

— А так. Я ведь собирался махнуть в Британскую Колумбию и поохотиться на вапити, но теперь, пожалуй, останусь в Нью-Йорке и поохочусь на убийц. Развлечение куда более занятное.

Он надел шляпу и кивнул на дверь:

— Пошли!

— Куда пошли?

— К тому крестику, которым всегда отмечают место, где нашли тело.

* * *

Трудно было поверить, что Р. Монтгомери Трейси, официально известный в судейских кругах как окружной прокурор Нью-Йорка, доводился родным братом Филипу Трейси — тому самому беспечному молодому человеку, который под куда более привычным именем Спайк расцвечивал жизнь по обе стороны Атлантики.

Отчасти столь разительное несходство двух сыновей объяснялось семейными неурядицами покойного Р. Монтгомери Трейси-старшего и его супруги. Вскоре после рождения Филипа миссис Трейси, всегда отличавшаяся ветреным нравом, наотрез отказалась и дальше чахнуть под суровым пуританским гнетом мужа. Недолго думая, она подхватила младшего ребенка и укатила в Европу, где очень скоро влилась в ту беззаботную, очаровательную европейскую публику, что кочует из Санкт-Морица на Ривьеру и в Париж, лишь изредка заглядывая в Лондон или Берлин.

Филип вырос очаровательным гибридом — полуамериканцем-полуевропейцем, приятнейшим сплавом Пикадилли и Бродвея, Оксфорда и Йеля: он то учился во Франции и Англии, то гостил у отца со старшим братом в Америке.

Он не стал осложнять свое существование такой унылой материей, как профессия. Колледж оказался приятной интермедией между отрочеством и зрелостью — чередой провалов в учебных классах и триумфов на спортивных полях и студенческих балах. То, что диплома он так и не получил, принесло ему лишь радостное чувство свободы и открыло двери в мир, давно ждавший гуляку: в Париж, Нью-Йорк, Вену.

Свои двадцать пять лет он прожил с тем веселым размахом, какой только мог обеспечить неиссякаемый поток долларов из отцовского состояния. Жизнь его была совершенно бесполезной и бесконечно забавной.

Впрочем, такую оценку нельзя было бы назвать вполне точной. Когда того требовали обстоятельства, он мог проявить проницательность, казалось бы, совершенно несовместимую с его показным нравом. За напускным легкомыслием крылся цепкий, быстрый ум, порой ставивший в тупик тех, при ком он ненароком обнаруживался.

Однако его брат к числу этих людей не принадлежал.

В свои сорок лет Р. Монтгомери Трейси имел жену и четверых детей, политические амбиции и чувство юмора до того зачаточное, что его практически не существовало. За долгие годы

служения величественному закону в нем появилась унылая основательность, которая порой мешала ему зорко видеть живых людей за отвлеченными параграфами. К жизни, по его убеждению, нельзя было относиться легкомысленно.

На посту окружного прокурора Нью-Йорка он проявлял ту упорную деловитость, что служила одновременно предметом гордости и источником отчаяния для его сторонников. Свои обязанности он исполнял с бесстрашной честностью, какая доступна лишь человеку, чье наследство ставит его выше денежных соблазнов. За время его пребывания в должности накопилось немало основательных свершений, которыми могли похвастаться его приверженцы.

Но по части эффектности он явно уступал. Уже раздавался глухой ропот недовольства тем, что он не умеет устроить для толпы хорошее представление. Хлеба он давал ей вдосталь, а вот распорядитель зрелищ из него выходил никудышный.

В особенности он терпеть не мог убийства. Они так мешали осуществлению его основательной, созидательной программы, которая, как он по своей бескрылости полагал, должна была вознести его к новым, еще более благородным политическим высотам. Из-за убийств в его кабинет врывались полчища репортеров, а вокруг стоял неумолчный вой жаждущей острых ощущений публики.

И вот теперь на его голову свалилось еще одно — да какое крикливое, какое сенсационное! Стремительный взлет торговца драгоценностями Элтона Тейна в свое время расписали все журналы страны, воспевающие истории успеха. Десять лет назад — простой продавец, ныне — миллионер. Импортер редких самоцветов, некогда украшавших короны павших монархий Европы. Владелец роскошного магазина на Пятой авеню и филиала поменьше в верхней части города, на Бродвее, в районе Восьмидесятых улиц.

Окружной прокурор содрогнулся при мысли о вечерних газетах. Пока он вместе с младшим братом ехал на север по Лафайет-стрит к дому на Западной Восемьдесят второй улице, спор, начавшийся еще в полицейском управлении, все не утихал.

— Но, мой дорогой мальчик, — возражал он, — я не позволю тебе устраивать увеселение из самого тяжкого преступления в уголовном кодексе.

— Да я и не собираюсь. Я намерен всерьез изучить серьезное преступление и не удивлюсь, если это окажется не так уж скучно.

— Иными словами, ты вообразил себя в роли сыщика?

— Ну, что-то вроде того.

Впервые за все утро окружной прокурор рассмеялся.

— Хершмана это позабавит.

— А кто такой Хершман?

— Начальник убойного отдела.

— И когда я буду иметь удовольствие с ним познакомиться?

— Примерно через четверть часа. Он сейчас там.

— О, значит, ты все-таки берешь меня с собой?

Нечаянно угодив в расставленную им самим ловушку, окружной прокурор задумался.

— Ладно, но только сегодня утром. Можешь поехать со мной в этот дом, только, пожалуйста, не докучай никому дурацкими вопросами. Держись как можно незаметнее.

— Этакий неофициальный наблюдатель.

— Вот именно. И постарайся принять хоть чуточку серьезный вид. Помни, убили женщину.

— О, разумеется! — И Спайк ухмыльнулся.

Глава II
Спайк выставляет себя круглым дураком

Особняк Элтона Тейна под номером 8 по Западной Восемьдесят второй улице стоял в ряду точно таких же угрюмых домов из бурого песчаника. Впрочем, до блеска начищенные латунные дверные молотки и зеркальная чистота окон придавали ему известный лоск, сразу говоривший о деньгах и хорошей прислуге. Дом располагался на южной стороне улицы, всего через три двери к западу от Сентрал-Парк-Уэст, а потому жестоко страдал от неимоверного грохота: в то время как раз полным ходом шло строительство линии сабвея под Восьмой авеню.

Мостовая на Сентрал-Парк-Уэст была взрыта, и те немногие машины, которым приходилось здесь пробираться, отчаянно подпрыгивали и тряслись на ухабах. То тут, то там зияли обшитые досками шахты, на дне которых, футах в двадцати-тридцати под землей, мелькали фигуры рабочих. На пересечении с Восемьдесят второй улицей, где намечалась станция, мостовую словно разворотило гигантским кулаком, и в разверзшемся котловане люди с электробурами упрямо вгрызались в неподатливую скальную породу.

Вынырнув из сквозного проезда Центрального парка на Семьдесят второй улице, автомобиль с окружным прокурором и его братом осторожно двинулся на север, лавируя между грузовиками со стройматериалами и бетономешалками. На углу Восемьдесят второй улицы пассажирам пришлось выйти и оставшиеся несколько шагов до дома номер 8 проделать пешком: прямо перед особняком Тейнов котлован будущей станции раздавался вширь, наглухо перекрывая проезд с востока.

— Идеальное местечко для убийства, верно? — прокричал Спайк, перекрывая грохот буров.

Окружной прокурор неодобрительно нахмурился и шагнул было на крыльцо, но брат придержал его за рукав.

— Послушай, старик, — укоризненно протянул Спайк, — ты уверен, что берешься за дело с правильного конца? Разве не полагается сперва остановиться и все осмотреть?

— Осмотреть?

— Ну, знаешь — отпечатки подошв на половичке, следы автомобильных шин и все такое прочее.

— Половичка тут нет, а на асфальте шины следов не оставляют.

— Ладно, но уж с этими-то типами надо что-то делать! — Спайк кивнул на рабочих в котловане. — Мы просто обязаны хотя бы остановиться, заметить цвет их глаз и выяснить, привиты ли они от оспы и как давно...

— Филип! — прогремел окружной прокурор, хотя из уважения к покойной этот гром прозвучал вполголоса. — Филип, я не потерплю подобного легкомыслия! Либо ты прекратишь паясничать, либо мы расстанемся прямо на этом пороге.

— Господи, Ричард, я же только хотел помочь.

— Вот и не помогай. Прокуратура и полиция вполне справятся с этим делом без содействия человека, который только что провел ночь в кутузке.

Спайк кротко смирился, но все же скосил глаза и украдкой оглядел рабочих — троих потных низкорослых итальянцев и здоровенного десятника с грозной черной бородой. Десятник был вылитый русский нигилист с картинки, однако в его зычном голосе, которым он покрикивал на троицу коротышек, слышался чистейший ирландский выговор.

Дежуривший на верхней ступеньке крыльца полисмен почтительно отдал честь и распахнул дверь перед окружным прокурором и его спутником.

За дверью оказался крохотный тамбур, переходивший в длинный холл, вдоль правой стены которого поднималась лестница на второй этаж. Внутреннее убранство дома Тейнов разительно отличалось от его чопорного фасада. Едва переступив порог, братья попали под яростный обстрел красок: зеленые и лиловые стены, пунцовые портьеры, стулья самой немыслимой геометрии, столики разной высоты, книжные шкафы, заставленные вместо книг футуристическими статуэтками, и светильники, спрятанные за причудливо изогнутыми кусками стекла. Вычурно и утомительно для глаз. Покойная миссис Тейн явно увлекалась ультрамодным убранством.

Слева виднелась широкая арка, ведущая в гостиную; оттуда доносился негромкий гул голосов. Там, на треугольном диванчике о трех пугающе тонких ножках, весьма нелепо восседали инспектор Хершман и один из его подчиненных.

Любой читатель детективных романов с первого взгляда признал бы в Хершмане сыщика из Полицейского управления. Лицом, статью и манерой одеваться он в точности соответствовал расхожему представлению о том, каким должен быть сыщик из главного управления. Это был грузный детина с той особой, грубоватой хваткой, какая вырабатывается за долгие годы топтания тротуаров в городе, чье население стиснуто на пятачке, вдвое меньшем, чем нужно для мало-мальски сносной жизни. Нетрудно было представить, как он укрощает шайку гангстеров. Куда сложнее было вообразить его в поединке с противником калибра Раффлза или Стейнлина.

Он посмотрел на окружного прокурора с легкой укоризной, словно напоминая, что тот изрядно припозднился к месту преступления. Однако Трейси не стал вдаваться в объяснения по поводу братских злоключений, задержавших его поутру, и представил Спайка предельно коротко:

— Мой брат. Случайно оказался со мной сегодня утром, так что я захватил его с собой.

Затем он нервно перешел прямо к делу:

— Обрисуйте мне всю картину в общих чертах. Я знаю только то немногое, что вы сообщили мне утром по телефону.

И Хершман принялся излагать факты.

Сегодня незадолго до четырех утра Элтон Тейн вернулся домой и стал подниматься в свою комнату на третьем этаже. Заметив, что в малой гостиной на втором этаже, на половине жены, горит свет, он постучал. Не получив ответа, он вошел и обнаружил ее труп. Ей прострелили сердце. Драгоценности с шеи были сорваны, а из личного стенного сейфа исчезли бриллианты, изумруды и жемчуг на сумму в двести тысяч долларов.

— Тело из комнаты наверху еще не увозили, — сказал Хершман, — и все осталось в точности так, как мы нашли. Я подумал, вы захотите взглянуть до того, как там все потревожат.

Трейси одобрительно кивнул, и инспектор продолжил.

Элтон Тейн немедленно вызвал доктора Партриджа, своего друга и врача, жившего по соседству, а тот, в свою очередь, позвонил в участок на Восемьдесят шестой улице. Бегло осмотрев место происшествия, прибывшие по вызову детективы Гроути и Маккарти доложили обо всем в Управление, и Хершман лично возглавил расследование. Эксперты по оружию и дактилоскописты уже отработали, а сейчас наверху находился медицинский эксперт Сейлер — он осматривал тело перед тем, как его увезут.

— Зацепки есть? — нервно спросил Трейси.

— Ну, я послал Гроути и Маккарти разыскать человека, с которым миссис Тейн провела вчерашний вечер. Некто Спенсер, Томми Спенсер. Они вдвоем — Спенсер и миссис Тейн — уехали из дома вчера около восьми вечера, собирались куда-то на танцы. В половине двенадцатого вернулись и поднялись на половину миссис Тейн, на второй этаж. Примерно через полчаса он ушел.

Трейси на миг задумался. Затем его взгляд встретился со взглядом Хершмана, и оба кивнули, словно подтверждая догадку друг друга.

— Очень многое напоминает дело Шлокенхасса, — заметил окружной прокурор.

— Вот именно. До того напоминает, что я велел Гроути и Маккарти перед началом поисков взглянуть на фотографии и отпечатки пальцев по тому делу.

— Описание пропавших драгоценностей у вас есть?

— Пока нет. Муж — единственный, кто знает о них хоть что-то, — так раздавлен горем, что от него пока слова не добьешься.

— Что ж, давайте поднимемся наверх.

Пока трое мужчин шагали по ступенькам — окружной прокурор и Хершман впереди, а Спайк, само воплощение кротости и образцовый «неофициальный наблюдатель», следом за ними, — инспектор обрисовал общую планировку дома. Как и большинство особняков из бурого песчаника, этот состоял из полуподвала и четырех этажей, по три комнаты на каждом. Кухня и котельная занимали весь полуподвал во всю длину дома, кроме маленькой комнаты с фасада, переделанной в гостиную для прислуги. Из этой комнаты прямо на улицу выходили небольшая дверь и два забранных железными решетками окна. Сзади из кухни еще одна дверь вела на крохотную лужайку, со всех сторон огороженную высокой кирпичной стеной.

На первом этаже размещались столовая, парадная гостиная, а в глубине дома — небольшая спальня с ванной. Второй этаж занимали апартаменты миссис Тейн: спальня, ванная и малая гостиная. Этажом выше точно такие же комнаты принадлежали мистеру Тейну. В трех спальнях четвертого этажа жили горничная, кухарка и дворецкий.

— Полагаю, вы уже всех их допросили? — спросил Трейси.

— Только горничную. Вчера ночью в доме была она одна. У кухарки выдался выходной, и она гостила у друзей в Нью-Джерси, а дворецкий вчера уволился.

— Какая досада, — произнес окружной прокурор. — Когда можно опереться на несколько рассказов, гораздо легче восстановить истинную картину.

Убранство второго этажа еще нагляднее свидетельствовало о пестроте вкусов покойной хозяйки. Малая гостиная была выдержана более или менее в стиле Людовика XIV: миниатюрные стулья на золоченых ножках, ковер в духе Фрагонара, обшитые панелями стены и пышные фестоны драпировок из присборенной тафты. На этом фоне нелепым пятном выделялась кукла в наряде легкомысленной студентки, небрежно раскинувшаяся среди подушек на кушетке — точной копии той, что изображена на знаменитом портрете мадам Рекамье.

Когда все трое вошли из коридора в гостиную, справа от них открылась широкая арка, ведущая в спальню, откуда совершенно неуместно доносился залихватский посвист — обрывки веселой популярной песенки. В спальне на золоченом лакированном стуле с самым благодушным видом восседал доктор Сейлер, официальный судмедэксперт нью-йоркской полиции; он коротал время за курением и насвистыванием, явно не тронутый мрачностью обстановки.

— Инспектор сказал, что вы едете, — бодро окликнул он окружного прокурора, — так что я решил немного задержаться. Подумал, вы захотите сами взглянуть, что здесь и как, прежде чем я заберу тело.

Легким взмахом руки он указал в угол комнаты, сразу направо от арки, соединявшей гостиную со спальней. Сесили Тейн лежала на спине, закинув одну руку за голову; рот ее был полуоткрыт.

Она находилась в том трагическом, неопределенном возрасте где-то между тридцатью пятью и сорока пятью годами. Когда-то она, должно быть, была хороша собой — но той хрупкой белокурой красотой, которая увядает слишком рано. Уложенные геометрически правильными волнами волосы отливали чуть более яркой желтизной, чем следовало бы, а треугольные пятна румян под выступающими скулами лишь подчеркивали худобу и угловатость лица. Тон-

кие губы были плотно сжаты и подведены алым карандашом в одну ниточку. На всем лице лежала печать вечного напряжения и нервного надрыва, которую нельзя было списать лишь на жуткие минуты перед самой гибелью.

На ней было вечернее платье из опалового атласа, густо расшитое блестками. Над левой грудью сквозь сверкающую ткань расползлось уродливое красное пятно.

В стене, футах в пяти от плинтуса, зиял распахнутый сейф, а по полу валялось несколько маленьких шкатулок для драгоценностей и один ларец побольше, со съемными лотками. И шкатулки, и сейф были пусты. Тело лежало прямо перед сейфом, примерно в трех футах от стены.

Окружной прокурор вопросительно посмотрел на судмедэксперта.

— Все произошло около двенадцати или чуть позже, — сказал тот. — Но уж точно не позднее часу. Чистый выстрел прямо в сердце.

Он шагнул к телу и с невозмутимостью профессора в анатомическом театре принялся показывать:

— Как видите, следов порохового ожога нет. Стреляли, вероятно, с расстояния трех-четырех футов. Пуля вошла вот здесь, чуть левее грудины.

— Пуля у вас?

Доктор покачал головой:

— Нет, она прошла навылет, вышла чуть левее позвоночника. Полагаю, кто-то из ваших людей ее уже подобрал, инспектор?

— Она у меня, — отозвался Хершман. — Кольт тридцать восьмого калибра. Самое ходовое оружие, какое только бывает.

Подойдя к южной стене спальни, он указал на деревянную панель чуть ниже одного из больших окон, выходивших на задний двор.

— Вот след от попадания.

Доктор Сейлер, окружной прокурор и Спайк сгрудились вокруг инспектора, разглядывая в мягком крашеном дереве панели небольшую вмятину глубиной в четверть дюйма.

— Что ж, давайте позовем сюда горничную, — сказал Трейси. — Хочу сам расспросить ее обо всем по порядку.

Хершман отдал распоряжение одному из полицейских, поставленных у дверей гостиной, и вскоре снизу поднялась полногрудая, довольно миловидная молодая женщина лет двадцати пяти. Судя по имени — Эмма Блумстед, — следовало ожидать скандинавской флегматичности и мучительного косноязычия, однако все оказалось совсем не так. Она принадлежала ко второму поколению иммигрантов и говорила совершенно свободно. События минувшей ночи явно потрясли ее, но в то же время она была немало польщена тем, что оказалась в центре внимания властей.

— Как давно вы служите в этом доме? — начал допрос Трейси.

— Около пяти лет.

— И вчера ночью из всей прислуги в доме оставались только вы?

— Да, сэр.

— Итак, Эмма, — продолжал Трейси совершенно излишним в данном случае заискивающим тоном, — расскажите-ка нам во всех подробностях, что именно произошло вчера вечером, насколько вы помните.

— Ну, около восьми миссис Тейн ушла с мистером Спенсером, как она частенько делает, и...

— Стало быть, мистер Спенсер — близкий друг и часто здесь бывает?

— Дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, и они всегда куда-нибудь уходят вместе. Должно быть, у него куча денег, потому что она вечно наряжается в шикарные вечерние платья, будто собирается в какие-нибудь шикарные места. В общем, вчера около восьми она с

ним уходит и говорит мне, что они вернутся часам к полдвенадцатого, а это как-то рановато, потому что обычно они заявляются домой в час, в два, в три, а то и в четыре. Ну вот, потом я поднялась сюда и немного прибралась: развесила платья, вытряхнула пепельницы, убрала туфли и всякое такое, а затем спустилась вниз, и тут же мистер Тейн звонит мне и посылает на угол опустить письмо. А вскоре после того, как я вернулась, он и сам ушел — часов около девяти. А потом, где-то в полдвенадцатого, вернулись миссис Тейн с мистером Спенсером, позвонили мне и велели принести наверх льда и воды «Виши», что я и сделала.

— Наверх — то есть сюда, в гостиную? — перебил окружной прокурор.

— Да, сэр, прямо в эту комнату. Я принесла все на подносе: миссис Тейн сидела вон там на кушетке, а мистер Спенсер слонялся по комнате, дожидаясь, когда можно будет взяться за шейкер для коктейлей. Так что я оставила поднос и снова пошла вниз.

— Вниз? На первый этаж?

— Нет, в гостиную для прислуги, в полуподвал. А чуть погодя, после того как я отнесла поднос в гостиную, зазвонил колокольчик в передней первого этажа — это мистер Спенсер требовал свою шляпу и трость. Я подала их ему, и он ушел.

— Как он выглядел — нервничал, спешил?

— Ничуть не бывало. Спокоен как удав. И никуда не торопился. Пытался даже пошутить со мной, но я эти шуточки пресекла. Ничего хорошего не выйдет, если станешь любезничать с хозяйкиными ухажерами.

— А мистер Тейн знаком... знает об этом мистере Спенсере? — с многозначительной интонацией осведомился Трейси.

— Еще как знает, и разговаривает с ним вполне дружелюбно. Да вот хоть вчера вечером: когда мистер Спенсер зашел за миссис Тейн, хозяин встретил его внизу, в парадной гостиной, они велели мне подать сельтерскую и шотландский виски и преспокойно распивали себе хайбол, как закадычные дружки.

— Вы случайно не помните, о чем они говорили? Может, услышали что-нибудь?

Горничная на мгновение задумалась, шаря в закоулках памяти в поисках обрывков разговора.

— Да ни о чем особенном. Просто болтали о всякой всячине, ну, как это у мужчин водится. Мистер Тейн хвастался новой клюшкой для гольфа и так ею размахивал, что едва не переколотил все вокруг. А вскоре спустилась миссис Тейн, они втроем постояли и поболтали еще минутку; и тут я услышала, как мистер Тейн наказывает им вернуться пораньше — прямо будто она ему дочка, а не жена, — и мистер Спенсер ответил, мол, да, они будут дома около половины двенадцатого.

Горничная фыркнула. Было очевидно, что подобного благодушия со стороны хозяина она не одобряет. По ее понятиям, обманутый муж должен вести себя совсем иначе.

— Вернемся к вашему рассказу: мистер Спенсер позвонил, чтобы ему подали шляпу и трость, и вы их ему отдали. А что было дальше?

— Он ушел, а я спустилась обратно к себе.

— Вы помните, который был час?

— Да, сэр. Была ровно одна минута первого. Я специально посмотрела на часы, потому что мистер Тейн всегда велел мне не ложиться до половины первого — на случай, если он вернется и ему что-нибудь понадобится. Помню, еще подумала, что мне осталось посидеть всего минут двадцать пять, а спать очень хотелось. И в половине первого я пошла в кровать.

— Поднимаясь по лестнице мимо дверей миссис Тейн, вы не заметили ничего странного?

— Нет, сэр. — При мысли о том, что в половине первого ночи она прошла мимо комнаты, где лежала убитая женщина, поутихла даже словоохотливость Эммы Блумстед.

— Дверь была открыта?

— Я не обратила внимания.

— Вы сразу легли и уснули? Никакого шума или подозрительных звуков в доме не слышали?

— Нет, сэр.

— И звука выстрела тоже?

— Нет, сэр.

— А пока сидели в полуподвале, в гостиной для прислуги, ничего не слышали?

— Ой, нет, там, где строят сабвей, стоит такой грохот, что собственного крика не услышишь.

— Иными словами, звука выстрела вы не слышали ни до того, как легли спать, ни после.

— Точно так.

— А когда вы уснули, что было дальше?

— Ну, проснулась я оттого, что у меня в комнате звонит колокольчик. Спустилась сюда, а тут мистер Тейн и...

Эмма с опаской покосилась в сторону спальни.

— И какую картину вы застали?

— Мистер Тейн был вон там, — она кивнула на арку, — склонился над миссис Тейн и вроде как тряс ее, будто пытался от нее слова добиться. Сам прямо не свой, весь дрожит, говорит скороговоркой. Велел мне позвонить доктору Партриджу, нашему соседу. Я кинулась к телефону, а он не работает, ну я тогда сама побежала к доктору, и он тут же со мной пришел.

— Вы говорите, телефон не работал? — вмешался инспектор.

— Да, сэр.

— Какой именно?

— Да вон тот, — она указала на аппарат, искусно спрятанный за пышными фижмами дрезденской пастушки. Рядом лежала маленькая записная книжка с алфавитным указателем, где значились адреса и телефоны.

Хершман быстро пересек комнату и снял трубку, но в ней стояла тишина. Он несколько раз нажал на рычаг — аппарат был мертв.

— Внизу и наверху, в комнате мистера Тейна, телефоны работают, а этот нет, — пояснила горничная, и брови Хершмана поползли вверх. Вдруг он наклонился и принялся разглядывать позолоченный шнур, который тянулся вдоль стены и уходил в распределительную коробку у самого плинтуса. Шнур, плотно прихваченный к штукатурке и дереву маленькими скобками, с высоты человеческого роста казался совершенно целым. Но, нагнувшись пониже, инспектор тихонько присвистнул.

— Перерезан! — он указал на место у самой коробки, где при ближайшем рассмотрении были видны перерезанные жилы.

Все четверо уставились на плинтус, и окружной прокурор вопросительно посмотрел на инспектора. Но если у Хершмана и были какие-то соображения на этот счет, он предпочел промолчать.

— А другие телефоны в доме в порядке? — спросил Трейси. Горничная кивнула:

— Да, мы сегодня утром ими пользовались. И ночью я вызывала полицию по тому, что внизу.

— Это уже после того, как вы вернулись сюда с доктором Партриджем?

— Да, сэр. Он сразу поднялся сюда, осмотрел миссис Тейн и сказал, что она мертва, а тогда мистер Тейн велел мне звонить в полицию.

— Доктора Партриджа сейчас можно увидеть?

— Вы в том смысле, можно ли его позвать?

Окружной прокурор кивнул.

— Да, сэр. Он совсем недавно ушел к себе и, думаю, никуда не делся — он ведь редко из дому выходит.

Прокурор жестом отпустил горничную, и Эмма с неохотой вышла из комнаты. На пороге она замялась, явно надеясь, что это захватывающее приключение продлится еще хоть чуть-чуть, если кто-нибудь вдруг вспомнит новый вопрос. Но вопросов больше не последовало.

— Пошлите-ка кого-нибудь из ваших людей за доктором, — сказал Трейси инспектору. — Я бы хотел... Какого черта ты творишь?

Предоставленный во время допроса самому себе, Спайк слонялся по комнате, бесцельно разглядывая безделушки: то теребил подушки на кушетке, то с глубокомысленным видом изучал украшения на письменном столе, то задумчиво заглядывал в пепельницы. Теперь же он стоял у туалетного столика и, выбрав среди россыпи хрустальных и серебряных флакончиков губную помаду, старательно выводил на собственных твердых губах жеманный «лук Купидона». Услышав голос брата, он обернулся и одарил всех дурашливой улыбкой.

— Какого черта ты творишь?! — По своей привычке в минуты раздражения окружной прокурор повторил вопрос, еще сильнее напирая на каждое слово.

— Очаровательно, правда? — Спайк закурил сигарету с таким видом, словно для джентльменов нет занятия естественнее, чем в разгар расследования убийства мазать губы бледно-оранжевой помадой.

Окружной прокурор с трудом сдержался. На миг показалось, что он вот-вот зафыркает, как кипящий от негодования чайник. Но он лишь произнес с укоризненным высокомерием:

— Позволь напомнить тебе, дорогой брат — раз уж ты, по-видимому, забылся, — что мы не в балагане.

Только присутствие врача и инспектора удержало его от очередной братской нотации. Ему ужасно хотелось повторить все утренние упреки, да еще и добавить пару новых, сообразно случаю. Появление доктора Партриджа пришлось как нельзя более кстати: оно отвлекло Хершмана и судмедэксперта от этого позорного зрелища — от его родного брата, валяющего дурака.

Имя Перегрин Партридж шло своему владельцу как нельзя лучше. Окрестив его так в далеком викторианском прошлом, родители с удивительной прозорливостью угадали, что со временем их отпрыск станет похож именно на Перегрина Партриджа — и ни на кого другого в целом свете. Это был маленький, суетливый, дотошный человечек с блестящими птичьими глазками и хлопотливыми манерами, которые совершенно не вязались с уныло обвисшими моржовыми усами.

По тому, как он поздоровался с окружным прокурором, сразу стало ясно: он вполне сознает собственную значимость в этом деле и, подобно Эмме, немало ею польщен. Грудь под старомодным двубортным жилетом слегка раздулась от важности — впрочем, в меру. Он уже больше десяти лет как оставил практику, но еще не забыл, как подобает держаться в присутствии смерти — особенно если эта смерть наступила при странных и таинственных обстоятельствах.

— Будьте так любезны, доктор Партридж, — сказал Трейси, — повторите для меня то, что вы сегодня рано утром рассказали инспектору Хершману.

Маленький доктор чуть было не выпалил: «С превеликим удовольствием!», но вовремя спохватился. С минуту он в серьезном молчании обдумывал просьбу Трейси, а затем размеренным, четким голосом начал свой рассказ:

— Мистер Тейн, как вам, несомненно, известно, провел вечер со мной. Точнее сказать, часть ночи. Мы оба страдаем бессонницей и частенько коротаем время за шахматной доской. Вчера мы играли примерно до без четверти четыре. Не прошло и пяти минут после его ухода, как ко мне в страшном волнении прибежала горничная Эмма и попросила прийти сюда. Я пришел и обнаружил миссис Тейн — мертвой.

Он сделал паузу, давая слушателям сполна прочувствовать драматизм рассказа.

— Скажите, в какой позе вы нашли тело?

— Оно лежало точно так же, как лежит сейчас. Вижу, ваш сотрудник ничуть его не потревожил.

— Вы проводили осмотр?

— Да, беглый, но настолько тщательный, насколько позволяли обстоятельства.

— Как по-вашему, в котором часу была убита миссис Тейн?

— Вероятно, около полуночи. Может быть, чуть раньше, может быть, чуть позже. Но определенно не позже часа ночи.

Хершман и Трейси, пораженные тем, насколько совпали выводы двух врачей, посмотрели на медицинского эксперта. Затем Трейси снова повернулся к доктору Партриджу и с тактичной осторожностью задал следующий вопрос:

— Доктор, вы случайно не знали этого Спенсера, с которым миссис Тейн вчера провела вечер?

— Только понаслышке. Мистер Тейн иногда о нем упоминал.

— Они были дружны?

— Ну, я бы так не сказал. Мистер Тейн и этот молодой человек были людьми разного склада ума и разных вкусов. Но мистер Тейн относился к нему терпимо. Он понимал, что миссис Тейн тянет на танцы и в театры, а поскольку сам он выходить не любил, то и не возражал. Насколько я понимаю... — Доктор замялся, словно сомневаясь, прилично ли говорить о таких вещах. — Насколько я понимаю, она хорошо ему платила.

— А, профессиональный жиголо?

— Что-то вроде того.

— Опять дело Шлокенхасс, — вставил Хершман, и окружной прокурор кивнул.

— Какое дело? — переспросил маленький доктор.

— Убийство Шлокенхасс, месяцев шесть назад.

— Ах да, припоминаю. В газетах тогда много об этом писали.

— Скажите, доктор, — продолжал Трейси, — после того как вы осмотрели миссис Тейн и удостоверились, что она мертва, что вы предприняли?

— Я занялся мистером Тейном. Было очевидно, что в моих услугах больше нуждается живой, нежели мертвая. У мистера Тейна уже несколько лет хроническая болезнь сердца. Он находился в состоянии шока — вполне естественном при подобных обстоятельствах, но в его случае особенно тяжелом. Когда приехала полиция, я уговорил его предоставить все их заботам, а самого увел к себе.

— И он сейчас у вас?

— Да. Полагаю, вы хотите его допросить?

— Разумеется, но если вы считаете, что сейчас он не в состоянии разговаривать, мы можем отложить это на несколько часов.

— Нет, пожалуй, вам лучше повидать его прямо сейчас. Я дал ему успокоительное, но действие лекарства уже проходит. Возможно, ему даже пойдет на пользу выговориться.

— Что ж, прекрасно, доктор. — Трейси указал на дверь, и все четверо — окружной прокурор, инспектор, доктор Партридж и Спайк — гуськом спустились по лестнице на первый этаж. Но у подножия лестницы, когда они уже собирались выйти из дома, перед ними появилась Эмма.

— Мистер Тейн вернулся домой, — объявила она, — и велел передать: если полицейские хотят его видеть, он у себя наверху.

Апартаменты Элтона Тейна располагались прямо над половиной его жены и имели точно такую же планировку. Но этим сходство и исчерпывалось. То было чисто мужское жилье: приглушенные зеленые и коричневые тона, мягкие потертые кожаные кресла, массивная ореховая мебель, хранящая следы долгой службы, слегка вытертый ковер, курительные столики, рас-

ставленные в самых удобных местах. Все здесь несло отпечаток настоящей жизни, а не модной прихоти декоратора.

Когда четверо мужчин вошли в комнату, Элтон Тейн стоял спиной к двери и смотрел в окно, выходящее на улицу. Это был высокий человек с густой шевелюрой цвета стали; плечи его поникли, словно кто-то внезапно обрушил ему на спину сокрушительный удар. Заслышав шаги, он медленно обернулся.

В молодости он, несомненно, был хорош собой. И теперь, в свои пятьдесят, он все еще оставался на редкость привлекательным, хотя время уже прочертило в углах его рта две резкие складки, а глубоко посаженные карие глаза потускнели. Вид у него был изможденный, костюм измят после неспокойного сна, от которого он только что очнулся. Он стоял перед вошедшими с каким-то странно бесстрастным лицом, словно ночная трагедия оглушила его и он лишь отчасти сознавал, что творится вокруг.

Несколько мгновений он просто стоял, словно не сразу осознав, что в комнате четверо посторонних. Затем жестом пригласил гостей садиться и опустился в кресло сам.

— Ну? — Одно короткое слово, но прозвучало оно так, будто застряло в пересохшем горле.

— Мистер Тейн, — начал окружной прокурор, — для вас это крайне мучительная процедура, и мне искренне жаль, что без нее не обойтись. Однако вы сами понимаете…

Тейн молча кивнул, и Трейси продолжил:

— Расскажите нам, пожалуйста, как можно подробнее все, что вам известно о том, куда отлучалась и что делала вчера вечером миссис Тейн.

Повисла недолгая пауза. Затем Элтон Тейн заговорил — тихо и сдержанно. По сути его рассказ совпадал со словами горничной и доктора Партриджа. После того как в восемь часов жена уехала, он написал письмо, отослал горничную опустить его в ящик, а сам отправился в свой клуб «Чатем» на Западной Семьдесят шестой улице.

Около полуночи он вернулся на Восемьдесят вторую улицу, зашел к доктору Партриджу, играл с ним в шахматы примерно до четырех утра, а потом пошел домой. Проходя мимо двери жены и заметив свет, он постучал. Ответа не последовало, он вошел и увидел ее мертвое тело на полу перед обчищенным сейфом. Тейн умолк; его лицо по-прежнему оставалось каменно-непроницаемым.

— Скажите, мистер Тейн, — произнес окружной прокурор, тактично уводя разговор от этой болезненной темы, — что вы знаете об этом молодом человеке, Спенсере?

Элтон Тейн на миг замялся.

— Право же, — выговорил он наконец, — я знаю о нем очень мало. Он был… э-э…

— Кажется, я понимаю. За определенную плату он сопровождал вашу супругу в рестораны и на танцы, куда вам самому ходить не хотелось.

Тейн кивнул.

— Только и всего?

— Да! — Он впервые повысил голос, и глаза его сверкнули. Но тут же, словно этот порыв разом отнял у него все силы, Тейн обмяк в кресле, а его руки безвольно повисли на обитых тканью подлокотниках. Когда он заговорил снова, самообладание вернулось к нему. — Да, я совершенно уверен, что ничего большего между ними не было. Жена была намного моложе меня, и… вкусы у нас различались.

— Он часто здесь бывал?

— Дважды в неделю. Его неизменно приглашали на вечер по понедельникам и четвергам.

— И вы относились к нему по-дружески?

Тейн кивнул:

— Он был… он… Он мне нравился. Казался славным малым. Собственно говоря, я даже несколько раз брал его с собой играть в гольф. Не могу поверить, что… что…

— Что он убийца вашей жены.

Когда окружной прокурор облек в слова его невысказанную мысль, Элтон Тейн вцепился в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. Но лишь повторил:

— Не могу в это поверить.

— Был ли в доме кто-нибудь еще вчера вечером между восемью и двенадцатью?

— Никого, кроме горничной, меня и Спенсера.

— Кто, помимо миссис Тейн, знал шифр от сейфа в ее спальне?

— Только я.

— Вы случайно не знаете, где живет Спенсер?

— Раньше он снимал квартиру где-то на Западной Сто четвертой улице, между Колумбус-авеню и парком. Точного номера я не помню, но раза два или три заезжал к нему после гольфа. Впрочем, недавно он переехал. Кажется, куда-то неподалеку отсюда, но где именно — сказать не могу.

— Быть может, — повернулся окружной прокурор к Хершману, — его телефон найдется в блокноте в комнате миссис Тейн?

— Будто мне самому это в голову не пришло, — ответил инспектор. — Страница на букву «С» отсутствует. Единственная во всем алфавите.

Глава III
Круглая дырочка в кушетке

По дороге обратно в Полицейское управление старшие спутники Спайка — Трейси и Хершман — вкратце припомнили громкое дело Шлокенхасс, взбудоражившее город полгода назад.

Грету Шлокенхасс — немолодую жену богатого пивовара и хозяйку множества крикливых, но дорогих украшений — нашли мертвой в гостиничном номере. Сердце пробила пуля, а драгоценностей на сто пятьдесят тысяч долларов след простыл. Как выяснилось, покойную часто видели в ночных клубах в обществе прилизанных юнцов, которым она щедро платила за услуги кавалеров. Четверых из них полиция задержала, но улик для предъявления обвинения не хватило, хотя за двумя уже числились кражи. Пришлось их отпустить. Ни убийцу, ни драгоценности так и не нашли.

Четыре недели газеты на все лады смаковали эту сенсацию: кричащие шапки во всю полосу, портреты убитой, ее безутешного, но вполне довольного жизнью супруга и четверых юных жиголо, которым не посчастливилось состоять у нее на жалованье.

— Пожалуй, стоит заглянуть в досье Шлокенхасс, как только вернемся в контору, — предложил окружной прокурор.

— Я как раз о том же подумал, — отозвался Хершман. — К тому времени и Милликен подоспеет с отпечатками пальцев.

— А пока суд да дело, — подал голос Спайк, впервые вступив в разговор после того, как его отчитали за выходку с помадой, — давайте почитаем, что об этом пишут в газетах.

Такси застряло в пробке прямо напротив киоска, куда только что доставили свежие пачки первых дневных выпусков. Спайк поманил мальчишку-газетчика.

— «Сан» и «Ивнинг пост» для этих двоих, — велел он, — а мне свеженький, сочный «График».

Машина тронулась, и все трое откинулись на спинки сидений, углубившись в чтение: окружной прокурор — с брезгливой опаской, инспектор — с рассеянным видом человека, занятого совсем другими мыслями.

Зато Спайк зашуршал страницами с явным смаком.

— Как водится, — объявил он, пробежав глазами первую полосу, — мой верный бульварный листок обскакал ваши часов на шесть. Тут вся подноготная.

И она действительно была тут как тут. Заголовки девяносто шестым кеглем. «Убита бриллиантовая королева». Извлеченные из редакционных архивов снимки Сесили Тейн и ее мужа. Особняк Тейнов, помеченный зловещим крестом. «Полиция ищет шейха ночных клубов». И Эмма Блумстед, бесстыдно выставившая напоказ ноги.

Окружной прокурор бросил короткий страдальческий взгляд на пеструю страницу и обреченно вздохнул:

— Началось.

А когда он добрался до приемной своего кабинета в управлении, газетная буря обрушилась на него во всей красе. Комната кишела репортерами, и притом весьма разъяренными. Каждому из них только что крепко досталось от редактора отдела городских новостей за то, что «График» обставила их на первом же выпуске. Ни одна другая газета в городе не успела дать этот материал. Инспектору и прокурору понадобилось добрых двадцать минут, чтобы пробиться сквозь толпу и град вопросов, но наконец они проскользнули в личный кабинет Трейси, где уже преспокойно расположился Спайк.

Дактилоскопист Милликен управился даже быстрее, чем рассчитывал инспектор, и уже приготовил для начальства пачку фотоснимков.

При взгляде на них и Трейси, и Хершмана осенила одна и та же мысль — архив по делу Шлокенхасс! — и секретаря прокурора, Лавлейса, тут же отрядили за папкой.

— Богатый улов, — пояснил Милликен, выкладывая на стол еще влажные отпечатки. — Как минимум четыре разных человека.

Трейси и Хершман с интересом принялись разглядывать снимки. На каждом было аккуратно подписано, откуда именно взят след: с края каминной полки... с уголка туалетного столика... с подлокотника кресла.

— А на стенном сейфе что-нибудь есть? — спросил инспектор.

— Ни следа. Судя по всему, вытерли начисто.

— Хм. — Инспектор было задумался над этой деталью, но тут вернулся Лавлейс с досье Шлокенхасс и прервал ход его мыслей.

В папке лежала кипа официальных бумаг и по две фотографии — анфас и в профиль — каждого из четверых молодчиков, задержанных в прошлом году по громкому делу об убийстве и краже драгоценностей. Под каждой карточкой аккуратным рядком шли пять отпечатков пальцев.

С ними-то по указанию инспектора Милликен и принялся быстро сличать следы, снятые утром в комнате Сесили Тейн. Не прошло и трех минут, как эксперт оторвался от своей карманной лупы, с довольным видом поднял глаза и придвинул два снимка Трейси и Хершману, нетерпеливо ждавшим по ту сторону стола.

— Вот ваш голубчик, — негромко сказал он. И тоненькой стальной указкой принялся показывать совпадения в узорах. Отпечатки большого и указательного пальцев, снятые с края курительного столика в спальне Сесили Тейн, точь-в-точь совпадали с отпечатками одного из арестованных по делу Шлокенхасс.

Хершман перевернул учетную карточку и прочел вслух:

— «Уильям Престон... двадцать три года... рост пять футов восемь дюймов... вес сто сорок фунтов... глаза карие... род занятий — профессиональный танцор. Приводов не имел... За три часа до обнаружения тела убитой Греты Шлокенхасс его видели с ней в "Лидо-Венеция"».

— Что ж, — заключил инспектор, — похоже, мы ищем того, кого надо. Должно быть, он сменил фамилию на Спенсера.

При таком удачном повороте дела окружной прокурор с явным облегчением перевел дух. Впервые за все утро он откинулся на спинку кресла, расслабился, и тревожная складка у него между бровями разгладилась.

Грету Шлокенхасс и Сесили Тейн убили при поразительно схожих обстоятельствах, и в обоих случаях явно был замешан как минимум один и тот же человек — казалось, путь к разгадке открыт.

Когда Хершман и Милликен ушли, Трейси взял сигару, не спеша раскурил ее и посмотрел в сторону брата. Спайк, по своему обыкновению, с порога облюбовал самое удобное кресло и развалился в нем. Пока брат, инспектор и эксперт сличали отпечатки, он задумчиво смотрел на другую сторону улицы, где чернели угрюмые решетчатые окна городской тюрьмы «Могилы».

— Ну вот, — самодовольно произнес Трейси, — теперь ты видишь, как это делается.

— Как делается что? — переспросил Спайк, мысленно возвращаясь из каких-то заоблачных далей.

— Ты же хотел посмотреть, как выводят на чистую воду преступников, — терпеливо пояснил старший брат. — Вот и полюбовался. Не так уж это и захватывающе, верно?

— Иными словами, ты полагаешь, что миссис Тейн укокошил этот самый Спенсер?

— Вот именно.

Спайк протянул руку, взял четыре комплекта снимков из дела Шлокенхасс и принялся разглядывать их один за другим. Трое парней были холеными франтами с тщательно зализанными бриолином волосами — таких на любой танцплощадке пруд пруди. А вот четвертый, под фамилией Престон, был совсем иного склада: темные непокорные вихры, а во взгляде — не привычный цинизм платного танцора, но растерянность мальчишки, который сам не понял, как влип в беду. Подбородок — что в профиль, что анфас — выдавал безволие, но в целом лицо казалось даже симпатичным.

Спайк несколько мгновений пристально вглядывался в карточку.

— А ты часом не спешишь с выводами? — спросил он.

Трейси снисходительно рассмеялся:

— У сыщика-любителя имеется собственная версия?

— Какая там версия. Так, пара вопросов.

— Валяй, выкладывай, может, я просвещу тебя, — покровительственно разрешил Трейси.

— Ладно, вопрос первый: если дельце обстряпал этот малый, Спенсер, с какой стати ему понадобилось волочить тело с кушетки к сейфу? Почему было не оставить даму там, где она лежала?

— О чем это ты?

— О том, что убили ее вовсе не у сейфа. Вопрос второй: почему...

— Голубчик мой, большей чепухи я в жизни не слыхал.

— Ты мне не «голубчикай», а дослушай до конца. Мы тут одни. Посторонних нет, некому глумиться над моей непроходимой глупостью и над тем, как я осмеливаюсь тягаться своим скудным умишком с гигантами мысли из прокуратуры и полиции. Так что дай уж мне поболтать.

Так вот, как я уже начал говорить, вопрос второй: что за женщина — не считая, разумеется, Эммы — побывала в малой гостиной Сесили Тейн между восемью часами вчерашнего вечера и четырьмя утра?

— Ну, заговорил совсем как твои треклятые бульварные листки. Читал бы ты хоть изредка «Таймс», глядишь, и не мерещились бы тебе на каждом шагу женщины.

— И все-таки, — не сдавался Спайк, — любопытно было бы узнать.

Он вытащил из внутреннего кармана портсигар и открыл его. Но сигарету доставать не стал: свежих там не было — только пять окурков.

— Ты был совершенно прав, дорогой братец, — проговорил он, — когда решил сегодня утром, будто я набитый дурак, раз вздумал забавляться помадой покойной миссис Тейн. Но вообще-то это было одно из моих редких прозрений.

Несколько секунд он держал раскрытый портсигар на весу, созерцая пять окурков. Затем по одному вынул их и разложил перед собой на письменном столе.

— Вот эти два «Лаки Страйк» я нашел в пепельнице справа от большого кресла у камина. Заметь: на них ободки темно-малиновой помады — такую обычно жалуют эффектные брюнетки. А вот эти два окурка «Бенсон энд Хеджес» лежали в пепельнице возле кушетки. На них, прошу обратить внимание, помада куда светлее — бледно-оранжевая. А этот «Кэмел» выкурил я сам, предварительно нарисовав себе очаровательные губки бантиком. Цвет на нем точь-в-точь такой же, как на «Бенсон энд Хеджес»... А горничная сказала, что вытряхивала пепельницы в восемь вечера, после того как миссис Тейн ушла.

Он умолк, давая брату время переварить эти аккуратно подобранные факты.

— И что же это значит? — спросил окружной прокурор.

— А то, что миссис Тейн, вернувшись вчера вечером домой, выкурила две сигареты. И что после восьми вечера, когда горничная вычистила пепельницы, в комнате побывала другая

женщина, и она тоже выкурила две сигареты. В свете произошедшего, по-моему, весьма любопытно было бы выяснить, кто она такая.

Окружной прокурор помолчал, беспокойно ерзая в кресле.

— А тебе не приходило в голову, — произнес он наконец, — что темно-красная помада могла принадлежать самой миссис Тейн?

— Ничто не ускользает от моего взора, дорогой братец. Я специально провел ревизию всех помад миссис Тейн на туалетном столике и в ящиках. Все до единой оказались одного оттенка — бледно-оранжевого.

— Наверно, горничная присела отдохнуть, пока прибиралась.

— Наверно, — Спайк пожал плечами, словно соглашаясь закрыть тему.

— Это ровно ничего не значит, — продолжал Трейси. Было видно, что он изо всех сил старается усыпить собственный разум и отмахнуться от тревожных находок брата. — Хершман наверняка за пять минут найдет этому совершенно логичное объяснение.

— Наверняка, — согласился Спайк. Он достал сигарету из мягкой пачки, лежавшей в кармане смокинга, закурил и глубоко затянулся.

— Интересно, — протянул он, — глаза у нее голубые? Всю жизнь ищу голубоглазую брюнетку, а повстречал лишь однажды — то была буфетчица в Дублине, да только муж у нее оказался фунтов на сорок тяжелее меня. Премиленькое созданье, но, право же, не...

— Послушай, Филип, — перебил его окружной прокурор, — ты, конечно, набитый дурак, но... но...

— Но порой устами младенцев и набитых дураков глаголет истина.

Трейси неохотно кивнул.

— История с сигаретами и впрямь выглядит несколько подозрительно. Но с чего ты взял, будто тело перетащили к сейфу с кушетки?

— Тут я не вполне уверен, — признался Спайк. — Просто ввернул для красного словца, чтобы раздразнить твой аппетит еще более кровавыми подробностями. И все же, сдается мне, я не так уж далек от истины.

Он вдруг поднялся с кресла и потянулся за шляпой, но на полпути замер и с живым интересом посмотрел на брата.

— Слушай, старина, ты не слишком рассердишься, если я на время выйду из роли неофициального наблюдателя? Ужасно хочется еще разок поболтать с этой милашкой и трещоткой Эммой. Не то чтобы я питал слабость к блондинкам, но...

— И речи быть не может. Я не позволю превращать это дело в очередную твою скандальную интрижку, да еще и с прислугой.

— Дорогой Ричард, ты ко мне несправедлив. Мой интерес к Эмме продиктован исключительно нуждами следствия. Клянусь, в ее присутствии я не скажу и не сделаю ничего такого, от чего пострадала бы невинность — твоя или нашей милой старой прабабушки Трейси. Я ведь предлагаю не рандеву тет-а-тет, а серьезный разговор. Только ты, я и Эмма. Посидим по-свойски — и выведаем что-нибудь дельное.

Окружной прокурор секунду поколебался.

— Ладно уж, — сдался он. — Это против всяких правил, но... — И он тоже потянулся за шляпой.

— Да, кстати, — сказал Спайк, задержавшись у двери, — будь другом, прихвати с собой ту роковую пулю.

Через несколько минут они уже сидели в такси и второй раз за это утро мчались на север, к Восемьдесят второй улице.

— Вот что еще странно, — заметил Спайк. — Перерезанный телефонный провод.

— Обычная мера предосторожности, — заверил его прокурор.

— Но зачем она понадобилась в данном случае? Допустим, это грязное дельце и впрямь на совести Спенсера — так ведь он явно не дал бы даме времени позвать на помощь, прежде чем пристрелить ее. А уж после она и подавно вряд ли была в состоянии звонить.

Даже если у окружного прокурора и нашлось объяснение, он предпочел оставить его при себе, а Спайк продолжал — скорее размышляя вслух, чем обращаясь к собеседнику:

— С отпечатками пальцев на сейфе тоже любопытная штука. Если убийца Спенсер, он, надо полагать, дождался, пока она сама подойдет к сейфу — убрать что-то или достать. И тут ее пристрелил. Но зачем стирать ее собственные отпечатки?

Он осекся, окончательно запутавшись в лабиринте своих догадок.

Когда они подъехали к дому Тейнов, от дверей как раз отъезжал задним ходом полицейский санитарный фургон со своим жутким грузом. В спальне Сесили Тейн все оставалось точно таким же, как при их уходе, если не считать места прямо перед сейфом: там, где лежало тело, по ковру расплылось уродливое темное пятно. На посту стояли двое полицейских — один в самих двухкомнатных покоях, другой в коридоре. Трейси велел одному из них позвать горничную.

Когда через несколько минут Эмма вошла в комнату, и прокурора, и Спайка поразила перемена в ее поведении. От прежней самоуверенности не осталось и следа, она держалась куда скованнее, чем утром. Было ясно, что повторный допрос вовсе не льстит ее самолюбию. Она посматривала на обоих мужчин с тревожной опаской и молчала.

Спайк вопросительно взглянул на брата, и тот кивнул:

— Валяй, только... — Он осекся, но бросил на Спайка предостерегающий, встревоженный взгляд, явно означавший: «Валяй, только постарайся не слишком выставлять себя дураком».

Спайк галантно указал на стул, и Эмма, не привыкшая к столь обходительному обращению со стороны бесцеремонных чужаков, которые с четырех утра хозяйничали в доме, робко присела на краешек. Он раскрыл портсигар, уже пополненный свежими сигаретами, и запросто протянул ей. Окружной прокурор нахмурился.

— Курите?

Она покачала головой:

— Нет, сэр.

Он взял сигарету себе, прикурил и поудобнее откинулся на спинку кресла.

— А зря, милочка, непременно научитесь, — со знанием дела посоветовал он. — Отлично успокаивает нервы.

— Да, сэр. Миссис Тейн всегда так говорила.

— А миссис Тейн очень нервничала?

— Ну... да... в последнее время.

— Вы ведь давно знали миссис Тейн?

— Я работаю здесь пять лет.

— Значит, вы хорошо знаете всех ее друзей, верно?

— Да, сэр.

В Спайке словно произошла внезапная перемена. Он посерьезнел, вся его беспечность разом слетела, будто он решил, что шутки кончились и пора браться за дело. В том, как он задал следующий вопрос, не осталось и намека на человека, который всего несколько часов назад ставил расследование убийства на одну доску с охотой на лосей. Он был предельно сосредоточен, и под его прямым взглядом Эмме стало еще более не по себе.

— Скажите, — проговорил он, — вчера вечером, после того как миссис Тейн уехала с мистером Спенсером, кто-нибудь из ее друзей заходил к ней?

— Да что вы… нет.

— Может, кто-то из подруг?

— Нет, сэр.

— А раньше, до отъезда, у нее были гости?

— Ну... около шести вечера к ней приходил брат.

— Брат?

— Да, мистер Джордж Гриффис.

— Он, полагаю, часто заглядывает?

— Нет, не очень — с тех пор как съехал.

— Он раньше жил здесь?

— Да, сэр, еще примерно год назад.

— И с тех пор вчера впервые появился в доме?

— Да, сэр.

— Что-то вроде воссоединения семьи?

— Ну... не совсем.

— То есть как — не совсем?

— То есть... ну... — Она вдруг осеклась, и в глазах у нее мелькнул неподдельный испуг. — Вы... вы лучше спросите у мистера Тейна.

— Понятно. — Спайк помолчал секунду, а затем продолжил расспросы: — Миссис Тейн вчера днем куда-нибудь выходила?

— Нет, сэр, она весь день пробыла дома.

— Был ли у нее кто-нибудь еще, кроме мистера Спенсера и брата?

Эмма замялась и облизнула пересохшие губы, прежде чем ответить:

— Нет, сэр.

— А она... э-э... писала какие-нибудь письма?

— Не знаю.

— Я имею в виду, не посылала ли она вас опустить письмо в ящик?

— Нет, сэр.

— Быть может, она просила вас вызвать рассыльного?

— Да, сэр.

— И много писем она отправляла таким способом — с рассыльным?

— Ну... в последнее время — довольно много.

— И вы случайно не знаете, кому было адресовано вчерашнее письмо?

— Нет, сэр.

— Но рассыльного для нее вызывали вы?

Эмма кивнула.

— «Вестерн Юнион»?

— Нет, сэр. Из «Сервиса».

Спайк глубоко затянулся сигаретой, помолчал и снова заговорил:

— И вы совершенно уверены — заметьте, совершенно уверены, — что вчера вечером, после отъезда миссис Тейн, в дом никто не приходил?

— Да что вы — нет, сэр! — горячо возразила она, но при этом нервно переступила с ноги на ногу.

Он секунду обдумывал ее ответ, а потом круто сменил тему:

— Вы не знаете, когда покупали мебель в эту комнату?

Девушка посмотрела на него с легким недоумением, не понимая, какая может быть связь между мебелью и убийством покойной хозяйки, но от того, что допрос вдруг свернул в другое русло, на ее лице отразилось явное облегчение.

— Ну, миссис Тейн вечно покупала новые вещи, а старые выбрасывала.

— А недавно она покупала что-нибудь новое?

— Месяца два назад она затеяла переделку в комнатах и тогда же купила вон тот письменный стол, радиолу, кушетку и вот это новое кресло.

— Пыль здесь вытирали вы?

Она кивнула.

— И когда, насколько вы помните, в последний раз протирали тут все основательно?

— Вчера утром.

— Полагаю, за работой вы протерли и вон ту вещь? — Он указал на кушетку — искусное сочетание светлого клена и тонкого плетения.

— Да, сэр.

— И снимали с нее все подушки?

— Да, сэр.

— И ничего странного не заметили?

— Нет, сэр.

Спайк поднялся, пересек комнату, подошел к кушетке и одним махом сгреб в сторону ворох пуховых подушек.

— Вы случайно не обратили внимания на эту дырочку?

Окружной прокурор и горничная проследили за его пальцем, и глаза у обоих широко раскрылись. В изящной плетеной спинке, примерно на уровне лопатки, виднелась маленькая круглая дырочка со свежими обломками прутьев по краям.

— Думаю, Ричард, — произнес Спайк, сразу вернув себе прежний беспечный вид, — думаю, ты убедишься, что пуля, подобранная твоим человеком там, в спальне, подойдет к этой дырочке точь-в-точь.

Глава IV
Кляксы на промокашке

Когда горничная вышла из комнаты, Трейси еще несколько мгновений стоял, во все глаза глядя на дырочку в спинке кушетки. Затем медленно вынул из кармана маленький кусочек свинца и просунул его в отверстие. Как и предсказывал Спайк, пуля вошла тютелька в тютельку. Взволнованный, Трейси резко повернулся к брату.

— Не вижу, как это меняет суть дела, — вяло возразил он, не желая сдавать позиций. — Убить ее он с тем же успехом мог и здесь, и там.

— Разумеется. Но какой смысл тащить тело через всю комнату и картинно укладывать его среди пустых футляров из-под драгоценностей, разве что…

Спайк вдруг осекся, словно его внезапно осенило.

— Разве что — что?

— Разве что убийца именно этого и добивался. Женщина с простреленным сердцем… пустой сейф… драгоценности исчезли. Ясно как божий день. Мотив — ограбление.

— Я не улавливаю твоей мысли.

— Ну конечно, старина. Даже не пытайся, только мозги вывихнешь, стараясь угнаться за моей молниеносной дедукцией. А вообще, читал бы ты бульварные газеты — глядишь, научился бы лучше распутывать такие задачки.

— Но ведь вмятина от пули на деревянной панели вон там видна невооруженным глазом!

— Безусловно. И ты, и я, и кто угодно может оставить точно такую же за две минуты — были бы гвоздь да башмак, чтобы его вбить.

— А твоя теория насчет того, что здесь побывал кто-то третий — возможно, женщина, — в корне ошибочна.

— Вот как? Ты так думаешь?

— Разве горничная не отрицала, что в доме был кто-то еще?

— Конечно, но она лгала. Ты заметил, что, когда я ее спросил, она не ответила прямо «нет»? Она протянула: «Да что вы — нет». Меня всегда настораживает отрицание, которое начинается с этого «да что вы». И еще меня весьма поразила перемена в самой Эмме. Боюсь, она теряет самообладание.

— Пожалуй, — признал Трейси. — Она уже не кажется такой… такой уверенной в себе, как сегодня утром.

— Полагаю, после нашего утреннего визита она с кем-то побеседовала, и ей посоветовали держать язык за зубами.

— С Тейном, возможно?

— Не удивлюсь. Давай-ка потолкуем с ним еще раз.

Трейси согласно кивнул и поднялся, чтобы позвать дежурившего за дверью полицейского, но Спайк остановил его.

— Погоди минутку. Меня ужасно интригует эта история с рассыльным. Давай сперва выясним, куда именно миссис Тейн отправила вчера днем письмо.

Через несколько мгновений он уже говорил по телефону в нижнем холле с бюро рассыльных «Сервис». Поначалу там не горели желанием делиться сведениями, но стоило упомянуть имя окружного прокурора Нью-Йорка, как ответ последовал куда более обстоятельный.

— Наш рассыльный заходил в дом Тейнов вчера около четырех часов дня и забрал письмо для миссис Мортимер Феннел по адресу: Западная Восемьдесят шестая улица, двести четыре, — сообщил голос в трубке.

— Ответ был?

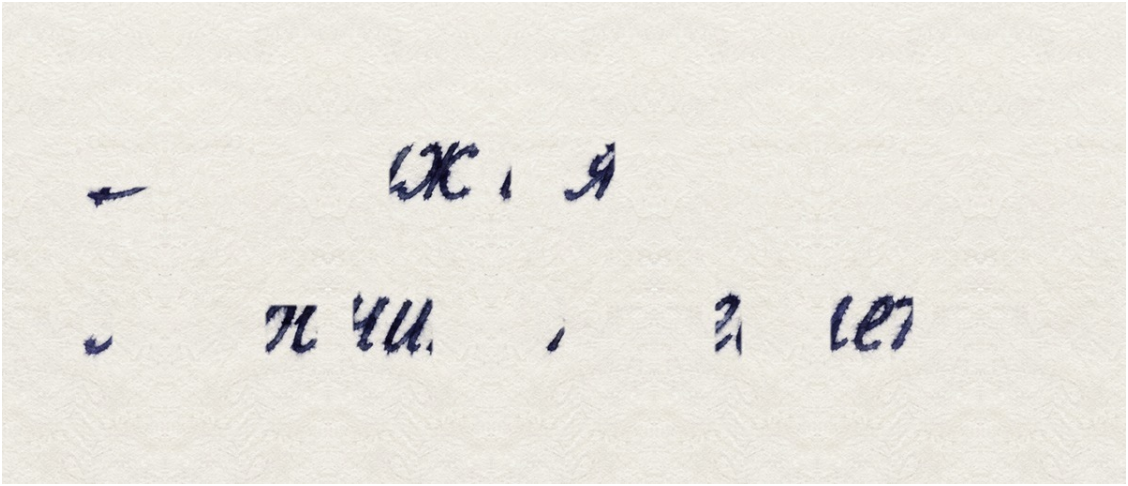
— Нет.

Спайк повесил трубку и взлетел на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Войдя в малую гостиную, он с задумчивым блеском в глазах покосился на письменный стол у противоположной стены. Из спальни он принес с туалетного столика ручное зеркальце.

— Промокашки, — назидательно пояснил он брату, — штука всегда занятная. Особенно промокашки только что убитых дам. Во всяком случае, так водится во всех детективных романах, которые мне доводилось читать.

Большой бювар на столе оказался совершенно чистым, без единого чернильного пятнышка, зато на маленьком ручном пресс-папье, отделанном бледно-голубой и зеленой эмалью, темнело несколько следов. Промокательную бумагу на нем, видимо, сменили недавно: немногочисленные отпечатки проступали четко и лишь в одном-двух местах накладывались друг на друга.

Спайк подставил зеркальце под прямым углом, и братья склонились над отражением.

— Ужасное разочарование, правда? — вздохнул Спайк. — А я-то уж настроился на шантаж, изнасилование, поджог и реки крови. И все же прибережем это на будущее, — он вынул листок из оправки и передал брату. — А теперь давай займемся Тейном.

Элтон Тейн все еще находился в своих комнатах на третьем этаже, но когда один из вездесущих полицейских доложил ему, что окружной прокурор желает снова с ним побеседовать, он спустился в приемную на первом этаже и стал ждать там. По молчаливому уговору вопросы на сей раз задавал Трейси. Он еще готов был доверить брату беседу с ничего не значащей прислугой, но предоставлять ему такую же привилегию в разговоре с хозяином дома отнюдь не собирался.

— Простите, что снова беспокою вас, мистер Тейн, — начал он, — но некоторые детали мне все еще не вполне ясны. Мой брат… э-э… помогает мне в расследовании, так что пусть его присутствие вас не стесняет, — добавил прокурор, перехватив скептический взгляд, который Тейн бросил на Спайка. — Нам стало известно, что у вашей жены вчера были посетители.

Элтон Тейн несколько мгновений молчал, глядя в окно и закусив нижнюю губу. Затем, все так же отводя глаза, произнес:

— Да? — но прозвучало это скорее как вопрос, чем подтверждение.

— Да. Горничная сказала нам, что вчера днем здесь был брат миссис Тейн.

— Да, он заходил, — тихо признал хозяин дома.

— И с какой же целью?

— Не знаю. Меня в это время не было дома.

— Но жена наверняка вам рассказала.

— Нет. Я вернулся в шесть, она отдыхала, и я не стал ее тревожить. Мы увиделись только перед самым ее уходом, когда с ней уже был Спенсер. Она лишь обронила: «Сегодня днем заходил Джордж».

— Кажется, он довольно давно у вас не бывал?

— Да. Почти год. Раньше он жил здесь, с нами.

— И почему же он съехал?

— Предпочел поселиться поближе к делам. У него небольшая контора по торговле недвижимостью на Нассо-стрит, и ему оказалось удобнее жить в Бруклин-Хайтс.

— У вас есть его адрес?

— Только служебный. Нассо-стрит, сто пятьдесят четыре.

— Между вами не возникло… никакой обиды, когда он уезжал?

— Ни малейшей. Собственно говоря, его комната в некотором роде до сих пор остается за ним.

— Что значит «в некотором роде»?

— То, что у него остался ключ от входной двери, а его спальня на первом этаже с тех пор стоит нетронутой. Он в любое время мог приходить и уходить когда вздумается.

— И он хоть раз воспользовался этим правом?

Тейн задумался.

— По правде сказать, не думаю, что хоть раз пользовался.

— Стало быть, насколько вам известно, вчера он впервые за год переступил порог этого дома?

— Да.

Повисла короткая пауза, пока окружной прокурор обдумывал его слова. Затем он зашел с другой стороны.

— А были ли вчера у вашей супруги какие-нибудь другие посетители, о которых вы знаете?

— Нет.

— Например, кто-нибудь из женщин?

— Нет.

— И никто случайно не заходил к ней после того, как она уехала со Спенсером?

— Да что вы… нет.

Снова короткое молчание. Спайк с безмолвной мольбой посмотрел на брата. Окружной прокурор в нерешительности помедлил, но потом почти незаметно кивнул.

— Дорогой мистер Тейн, — неторопливым тоном вступил Спайк, что приятно контрастировало с напористой прокурорской манерой брата, — вы не обидитесь, если я дам вам маленький совет?

— Да что вы, нет.

— Видите ли, если вы всерьез намерены лгать убедительно, вам стоит отбросить это «да что вы».

Элтон Тейн напрягся, и его бледные уши медленно залила краска.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что у нас есть весьма веские основания полагать, будто вчера вечером в этот дом приходил кто-то еще, помимо Спенсера и брата миссис Тейн.

— Да что вы, я в жизни не слыхал подобной нелепости!

— Право же, мистер Тейн, будет гораздо проще, если вы выложите нам все сразу и начистоту. Кое-какие детали наводят меня на мысль, что это была женщина.

— Женщина?

— Ага, значит, не женщина. Что ж, тогда мужчина.

Несколько мгновений Элтон Тейн сидел прямо и неподвижно, точно аршин проглотил. Но вдруг, словно покорившись неизбежному, бессильно обмяк и откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, — произнес он. — Я признаю это. Но… но могу я попросить вас, если есть хоть малейшая возможность, не впутывать этого человека в дело? — В его голосе прозвучала неподдельная мука.

— Можете быть уверены, — вмешался окружной прокурор, — мы сделаем все от нас зависящее, чтобы не привлекать невиновных. Однако при нынешних обстоятельствах мы не сможем отличить невиновного от подозреваемого, если вы не будете с нами предельно откровенны.

Тейн согласно кивнул.

— Вы совершенно правы. Простите, что пытался утаить.

— Так кто же был этот мужчина?

— Очень старый друг, мой и миссис Тейн. Он с женой и дочерью жил в том же многоквартирном доме, что и мы, до нашего переезда сюда. Мы знакомы лет двенадцать, а то и пятнадцать. Он зашел вчера вечером, когда мы оба уже уехали. По словам Эммы, он решил заглянуть и немного подождать — думал, я, возможно, вернусь из клуба. Он поднялся в гостиную миссис Тейн — мы обычно сидели там, — пробыл совсем недолго и ушел.

— Он был один?

— Да.

— И с ним не было никакой… спутницы?

— Он был совершенно один. Его жена тяжело больна — и уже много лет. А недавно ей стало еще хуже. Главным образом поэтому я и надеюсь, что его имя не всплывет в связи с этим делом, даже в самом невинном свете. У нее очень слабые нервы, и если до нее хоть каким-то образом дойдут слухи, в нынешнем состоянии это может пагубно на ней сказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.